

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

УДК 39+314

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/7-27

Научная статья

© Е. П. Зимовина, К. С. Проданцов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ВОСПРИЯТИИ ПОКОЛЕНИЙ

В статье рассматриваются возрастные особенности восприятия жителями Калининградской области исторического прошлого. Информационной базой для авторов послужили стенограммы восьми фокус-групп, в которых всего приняли участие 48 человек. Респонденты являлись представителями четырех возрастных групп: 18–25 лет, 26–39 лет, 40–54 года, 55 лет и более. В результате исследования было выявлено как общее, так и частное в интерпретации исторического прошлого разными поколениями, проживающими на территории Калининградской области. Все возрастные группы проявляют интерес к одним и тем же историческим событиям, а также личностям российской истории. Однако различия между поколениями прослеживаются при обсуждении значимости Дня Победы, в оценке роли личности Сталина и в отношении к СССР. Советский период истории Калининградской области респонденты в основном критикуют за невнимание к довоенному немецкому культурному наследию, но высоко оценивают вклад первых переселенцев в развитие региона и положительно относятся к переименованию г. Кёнигсберга в г. Калининград. Возрастные отличия зафиксированы при оценке постсоветского периода истории области: представители старших поколений высказывали больше критических замечаний, а молодые жители региона рассматривали постсоветское время в связке с современностью. Историко-культурное наследие немецкого периода имеет высокую ценность для жителей Калининградской области. Но при этом мнения расходятся относительно восстановления Королевского замка, а также о стилизации советской и современной застройки под довоенную немецкую архитектуру. Авторами был сделан вывод о том, что поколенческие особенности восприятия

Зимовина Елена Павловна — к. и. н., старший научный сотрудник Социологической лаборатории, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (236016 Калининград, А. Невского, 14). Эл. почта: ezimovina@kantiana.ru, zimelena@yandex.ru

Проданцов Константин Сергеевич — старший лаборант Социологической лаборатории, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (236016 Калининград, А. Невского, 14). Эл. почта: ProdantsovKS@yandex.ru

* Работа выполнена с использованием средств государственного бюджета по госзаданию на 2021 год № 2249–21 «Реализация научно-исследовательских мероприятий по проблемам геополитики и исторической памяти на калининградском направлении»

исторического прошлого связаны с общественно-политическими реалиями, в которых воспитывались респонденты.

Ключевые слова: Калининградская область, историческая память, история России, региональная история, поколения

Ссылка при цитировании: Зимовина Е. П., Проданцов К. С. Историческая память населения Калининградской области: общее и особенное в восприятии поколений // Вестник антропологии, 2022. № 2. С. 7–27.

UDC 39+314

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-2/7-27

Original Article

© *Elena Zimovina, Konstantin Prodantsov*

HISTORICAL MEMORY IN THE KALININGRAD REGION: THE COMMON AND PARTICULAR ACROSS GENERATIONS

The paper examines the age-related aspects of the perception of the Kaliningrad region's history by its residents. The study is based on the transcripts of eight focus groups, which included 48 people. The respondents represented four age groups: 18–25 years, 26–39 years, 40–54 years, 55 years or more. The study revealed both common and particular aspects of the historical past perception by different generations of people living in the Kaliningrad region. All age groups are uniform in their interest in particular historical events and personalities of Russian history. However, there are differences in their perception of the significance of the Victory Day, the role of Stalin's personality, and their attitude to the USSR. The respondents mostly criticize the Soviet Period of the Kaliningrad region's history for the lack of attention to the pre-war German cultural heritage. However, they highly appreciate the first settlers' contribution to the development of the region and approve of the renaming of Königsberg to Kaliningrad. Age differences manifested in the assessment of the Post-Soviet period of history: older age groups expressed a more critical point of view while younger residents considered the Post-Soviet period in conjunction with modernity. The historical and cultural heritage of the German period is of high value to the residents of the region. At the same time, opinions differ regarding restoring the Royal Castle and styling the Soviet and modern buildings after pre-war German architecture. The authors conclude that, in general, the perception of the historical past is associated with the socio-political situation in which the respondents were brought up.

Keywords: *Kaliningrad region, historical memory, history of Russia, regional history, generations*

For Citation: Zimovina, E.P., Prodantsov, K.S. 2022. Historical Memory in the Kaliningrad Region: the Common and Particular Across Generations. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 7–27.

Author Info: Zimovina, Elena P. — Ph.D. in History, Senior Researcher of Sociological Laboratory, Immanuel Kant Baltic Federal University (236016 Kaliningrad, A. Nevskogo st., 14). E-mail: ezimovina@kantiana.ru, zimelena@yandex.ru

Prodantsov, Konstantin S. — Sociological Laboratory Senior Assistant, Immanuel Kant Baltic Federal University (236016 Kaliningrad, A. Nevskogo st., 14). E-mail: ProdantsovKS@yandex.ru

Введение

Постановка проблемы. На современном этапе вопросы исторической памяти представляют особую значимость. Прежде всего, это обусловлено существованием целого ряда факторов, которые в совокупности оказывают огромное влияние на коллективное сознание — Интернет, социальные сети, печатные и телевизионные СМИ, радио, образовательные учреждения, общественные организации и т. д. При этом историческая память играет двоякую роль — она способна как консолидировать, так и расколоть общество. Поэтому обращение к вопросам исторической памяти необходимо для понимания общественных настроений и выстраивания гибкой социальной политики.

Региональный аспект изучения исторической памяти необходим вдвойне. Важность исследования локальной специфики состоит в том, что каждый субъект Российской Федерации имеет богатую историю и многообразный этнический состав населения. У жителей регионов формируется особое виденье прошлого. И его необходимо учитывать при разработке мер, направленных как на сохранение этнокультурного своеобразия региона и конструирование региональной имиджевой политики, так и на укрепление общероссийской идентичности.

Интерес к исторической памяти населения Калининградской области вызван тем, что прошлое региона является «многослойным». Это переплетение разнообразных культур и эпох — прусской, немецкой, советской, российской. Так, на территории региона расположены руины тевтонских замков, образцы немецкой архитектуры XIX-первой половины XX вв., сооружения советского периода и современные постройки. Такое сочетание памятников материальной культуры способствует формированию особенностей восприятия исторического прошлого. Тем более, что и население региона имеет свою специфику — его основа была заложена в результате переселенческого движения по окончании Великой Отечественной войны и продолжает формироваться за счет внешних и внутренних миграций до сих пор.

Подчеркнем, что память об историческом прошлом является важным компонентом общественного сознания. Она способствует сохранению традиций, влияет на формирование гражданской позиции, содействует утверждению этнической идентичности. Память о значимых исторических событиях воспроизводится с каждым поколением. Однако восприятие отдельных явлений или исторических личностей может быть не одинаковым у представителей разных возрастов. Феномен состоит в том, что коллективная историческая память сохраняется, но оценки могут меняться. В связи с этим представляется важным обращать внимание как на общность, так и на разницу в восприятии исторических событий людьми разных поколений.

Обзор исследований. На современном этапе в России изучением вопросов исторической памяти занимаются представители разных наук — историки, социологи, политологи, философы. В результате появляются оригинальные исследования, в которых используются различные методы и подходы. При этом работы теоретико-методологического характера (Репина 2016; Горшков 2016; Шнирельман 2018; Тощенко 2020; Ефременко, Миллер 2020) сочетаются с работами, в которых делается акцент на поколенческий аспект (Савин 2017; Долгов 2021; Подлесная 2021) и региональный ракурс исторической памяти (Мазалова 2018; Полутин, Булавин, Зубов, Нагаева 2021). Исследуется влияние исторической памяти на формирование этнического самосознания (Буганов 2018; Савоскул 2018). Особое внимание уделяется проблемам сохранения исторической памяти о войне (Тетувев 2021; Кравченко 2021; Вершилов 2021).

Свой вклад в изучение исторической памяти вносят и крупнейшие социологические центры России (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр), которые проводят опросы и осуществляют мониторинг общественного мнения по исторической проблематике (Историческая 2020; Великая 2021; Годовщина 2020; Фадеев 2021).

Что касается изучения исторической памяти населения Калининградской области, то в первую очередь необходимо упомянуть о широкомасштабных исследованиях проблем заселения и освоения региона. Среди них, в частности, проведение интервью с первыми переселенцами, формирование на их основе архивных материалов, а также публикации стенограмм бесед (Костяшов 2018; ГАКО). Опубликованы работы, связанные с исторической памятью жителей Калининградской области о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Гареев, Кретинин 2019; Костяшов 2020; Кретинин 2020). Анализируются и специфические формы сохранения исторической памяти населения региона (Кретинин 2015; Маслов 2016; Маслов 2017; Дементьев 2019а; Дементьев 2019б). В то же время тема отношения жителей Калининградской области к региональной и общероссийской истории оказалась вне поля зрения исследователей. Данная работа направлена на некоторое восполнение существующего пробела.

Цель представленного исследования — выявить особенности восприятия исторического прошлого представителями разных поколений, проживающих на территории Калининградской области.

В соответствии с поставленной целью, были сформулированы следующие исследовательские вопросы: 1) в какой степени ключевые события российской истории вызывают интерес у представителей разных поколений? 2) как представители разных поколений оценивают советский и постсоветский периоды истории Калининградской области? 3) какое значение для жителей Калининградской области разных поколений имеет немецкое культурно-историческое наследие?

Информационной базой исследования явились стенограммы восьми фокус-групп, проведенных с жителями Калининградской области в сентябре-октябре 2021 г. Всего в групповых интервью приняли участие 48 человек (9 мужчин и 39 женщин). Из них 27 человек были жителями г. Калининграда, 21 человек — жителями Советского, Черняховского и Гусевского городских округов. Все респонденты являлись представителями четырех возрастных категорий: 18–25 лет (14 человек), 26–39 лет (11 человек), 40–54 года (10 человек), 55+ (13 человек). Каждая фокус-группа

состояла из людей только одной возрастной категории. В результате был получен целый спектр оценок исторического прошлого России и Калининградской области.

Методика исследования. Участникам фокус-групп было предложено дать общую оценку историческим событиям на территории России, выразить свое отношение к историческому наследию Калининградской области (немецкому, советскому, постсоветскому), а также высказать мнение относительно современного состояния и перспектив развития региона. Для проведения фокус-групп была разработана программа (топик-гайд), содержащая вопросы для обсуждения. Программа состояла из нескольких блоков: 1) преамбула, 2) вводная часть, 3) оценка общероссийских исторических событий, 4) восприятие советского и постсоветского периодов истории Калининградской области, 5) отношение к немецкому наследию, 6) заключительная часть.

Методологической основой исследования явилась концепция поколений. В частности, идея о том, что при анализе поколений демографический подход необходимо дополнить историко-культурным. То есть рассматривать поколение не просто как возрастную когорту, а как группу людей, совместно переживших определенные исторические события и в силу этого демонстрирующих общность восприятий и практик поведения (Радаев 2020). Пережитые события являются важным фактором социализации какого-либо поколения, отпечатываются в его исторической памяти, формируют специфические формы восприятия и, в конечном счете, определяют специфику данного поколения. Это вовсе не означает, что представители одного поколения будут иметь единую точку зрения по всем вопросам. Напротив, мнения могут быть диаметрально противоположными. Однако для каждого поколения будет характерно особенное восприятие как исторического прошлого, так и современности.

Оценка общероссийских исторических событий

Осведомленность об исторических событиях является не только признаком образованности человека. Она также свидетельствует о его способности анализировать и сопоставлять эпохи, обращать внимание на особенности развития общества в определенный период, выражать собственное мнение и давать оценку значимым событиям и личностям. Именно поэтому проведение фокус-групп начиналось с вопроса о знакомстве респондентов с событиями российской истории. Практически все участники восьми фокус-групп ответили, что в той или иной степени интересуются историей России. Причем определилась следующая тенденция — чем старше возраст, тем в большей степени люди проявляют интерес к истории. Отметим, что большинство респондентов оказались самокритичны и оценили свои знания как удовлетворительные, в рамках школьной программы. Например, один молодой человек уточнил: «...Такие относительные знания, школьная база. Может быть какие-то даты и не помню, но эпохи — без проблем» (ФГ 1). Респонденты среднего возраста также апеллировали к школьным знаниям: «Так, школьная программа и всё» (ФГ 7); «Сами по себе эти вопросы очень интересные, единственный минус, что мало мы уделяем этому времени» (ФГ 7). А вот среди представителей поколения 55+ нашлись люди, которые самостоятельно изучают отдельные исторические события, знакомятся с дополнительной литературой, обновляют свои знания: «Слишком поздно начали узнавать все это, слишком много скрывалось, а школа уже очень дав-

но была ...Поэтому потихоньку начинаем изучать, по-новому» (ФГ 2); «Я приехала из другой страны и мне очень интересно — что здесь было раньше, что сейчас происходит. Поэтому я интересуюсь. Ну, пока ещё очень мало знаю» (ФГ 8).

Наибольший интерес у респондентов всех возрастов вызывают в основном события XX века — Революция 1917 года, Великая Отечественная война, послевоенный период, распад СССР, 1990-е годы: «У меня раньше была такая шутка, что всё интересно до XX века. Но со временем я поняла, что как раз XX век — самый интересный» (ФГ 4); «Мне кажется весь XX век интересным. То, что было в XVIII и XIX веке, оно так или иначе, уже успело отобразиться, успело дать свои следы, которые в XX веке проявились. А то, что было в XX веке (война, революция, становление и распад СССР, культы там Ленина, Сталина и других правителей), они еще отражаются на нас, на нашей истории» (ФГ 1).

Молодые люди обратили внимание на современный период: «XXI век тоже интересен. За последние десять лет много событий произошло — и касательно Украины, и касательно Крыма и всех вот этих конфликтов между державами. Там Америка, там страны Ближнего Востока. То, что вот разворачивается и до сих пор продолжается — оно тоже влияет больше всего на настоящее время» (ФГ 1).

Некоторые респонденты продемонстрировали интерес к событиям древней и средневековой истории, XVIII и XIX векам: «Мне очень интересна жизнь до революции» (ФГ 2); «момент правления Ивана Грозного» (ФГ 4); «правление Петра» (ФГ 3); «Интересно про 1812 год» (ФГ 8) и т. д. При этом некоторые не только упоминали об определенных событиях, но и обосновывали их важность: «Я считаю, что даже татаро-монгольское иго тоже очень важный период нашей истории. Потому что когда несколько сотен лет находишься под экспансией, то это не может бесследно пропасть» (ФГ 1).

Следует отметить, что представители всех поколений проявляют интерес к одним и тем же историческим событиям, осознают их значимость и считают ключевыми в истории страны. Однако делают акценты на разные моменты этих событий и явлений. Например, при оценке Великой Отечественной войны одни респонденты обращали внимание на значимость последствий войны: «... Потому что она очень влияет на современность и повседневность. Мы до сих пор ещё не отошли. Современная политика очень от неё зависит» (ФГ 4). А другие на трудности, с которыми пришлось столкнуться населению СССР во время войны: «...В семьях у нас у многих были люди, которые принимали непосредственно участие в войне. Например, моя бабушка. Ей было 12 лет на момент войны. Она как раз жила в Сталинграде. И когда была Сталинградская битва — они всё это время там прожили, прятались в канализационной трубе» (ФГ 7).

Отметим, что знания по истории имеют общий характер — как правило, респонденты затруднялись называть точные даты. Что касается исторических личностей, то наиболее часто упоминались имена всем известных людей — Петр Первый, Екатерина Вторая, Ленин, Сталин, Гагарин: «Это некие флагманские личности. Допустим, Пётр Первый или Екатерина. Ну, с которыми связаны квантовые скачки в развитии государства» (ФГ 4). В то же время, некоторые указывали на определенные категории исторических личностей: «Если говорить про какие-то личности, я больше склонен к ученым, потому что какой-то практический результат есть. ...это Королев, ...Циолковский еще. Все эти имена известны не только в истории

нашей страны, но и в истории мировой» (Ф 1); «Конечно, писатели, художники все наши. Перечислять их просто времени не хватит... Это люди, которые прославляли культурные традиции. Все наши композиторы „Могучей кучки“, литераторы. Как без них!» (ФГ 2); «Ну, художники» (ФГ 4); «Ну, классики» (ФГ 4). В целом, были названы имена многих деятелей истории — политиков, военачальников, представителей науки и культуры. Таким образом, респонденты продемонстрировали довольно широкий спектр осведомленности о значимых исторических личностях. При этом поколенческие различия были не существенными.

В ходе обсуждения общероссийских исторических событий несколько тем вызвали живой интерес участников. Это Великая Отечественная война и празднование Дня Победы; оценка роли личности Сталина; советское прошлое. Именно по данным направлениям во всех фокус-группах развернулись основные дискуссии.

Осмысление событий Великой Отечественной войны оказалось важным для представителей всех поколений. В связи с этим был задан вопрос об отношении к празднованию Дня Победы. И здесь мнения разделились. Часть респондентов воспринимает 9 Мая как праздник: «У меня на 9 Мая почему-то всегда мурашки по коже. Когда по городу работают громкоговорители, по которым играют песни военные, военных лет и они, действительно, вызывают мурашки и слезы. Такие вот ощущения, смешанные. Все-таки я считаю, что 9 Мая — это праздник. Причем это великий праздник. Безусловно, помнить о победе, помнить о ветеранах нужно постоянно, не только 9 Мая. Это не обсуждается даже. А 9 Мая — это один из дней, когда мы можем показать величие нашей страны, мощь нашей страны, тот подвиг, который совершили в нашей стране» (ФГ 1); «... 9 Мая — это всеобъемлющий праздник. Это день памяти и скорби о погибших и дань благодарности нашим предкам, которые отстояли нашу родину. Это торжественное мероприятие о памяти, об окончании такой кровопролитной войны» (ФГ 1); «Радость, так сказать, сквозь слёзы. Гордость. То, что наши предки, бабушки, дедушки выстояли» (ФГ 6); «Мы этот праздник, конечно, отмечаем. С большой радостью, всегда за столом. ...к сожалению, наши предки не дожили до этого. ...И мы вспоминаем их, конечно, со слезами на глазах. ...все это очень чутко воспринимаешь, очень близко к сердцу» (ФГ 7).

Некоторые респонденты рассматривают 9 Мая как день памяти: «Это праздник со слезами на глазах... Это День памяти и он, по моему мнению, трагичный. Это напоминание нам об этих событиях. ... Это напоминание о тех эмоциях, которые мы не пережили, но о которых нам рассказали» (ФГ 1); «Для меня это вообще не праздник, для меня это день травмы» (ФГ 1), «Для меня это тоже грустный праздник. Я не понимаю вот этого всего, всей этой радости, мне кажется, это по-другому можно показывать» (ФГ 1); «У меня тоже вызывает смешанные чувства. Больше печаль и грусть. Но, все равно, гордость какая-то за то, что это было и что мы с этим справились. Ну, не мы, наши предки. ... Я согласна с тем, что это праздник грусти» (ФГ 1); «... Скорее, что-то смешанное. Потому что это одновременно радость из-за победы, насколько это все положительно для нас сложилось. И одновременно скорбь и грусть из-за того, насколько оно трагично на нашей истории отобразилось — на нашей экономике, на нашей демографии и так далее» (ФГ 5); «для меня и 22 июня, и 9 мая — это одинаково скорбные дни. И повод задуматься» (ФГ 4); «В моей семье всегда говорили о том, что это повод задуматься. Это не праздник и не траур. Это день, когда нужно посидеть, вспомнить, проана-

лизировать. ... Моя семья состоит из двух линий. Одна линия — еврейская, другая — людей военных и поэтому это очень сильно как бы сказало на нас, вся эта война. Поэтому для меня это день, чтобы проанализировать» (ФГ 1).

Представители молодых поколений рассказали об эволюции своего восприятия Дня Победы — о нарастании ощущения боли по мере взросления: «В детстве, где-то до 13 лет, для меня это был, безусловно, праздник. У меня воспоминания исключительно о том, как 9 Мая мы всей семьей утром по телевизору смотрим парад. Потом как мы идем, опять же всей семьей, к памятнику 1200, покупаем тюльпаны ...Идем к родственникам, празднуем там, вспоминаем какие-то истории, родственники ордена показывают. ... Ну, то есть какие-то воспоминания позитивные... Но чем старше я становилась, тем реже мы стали собираться семьей по этому поводу. Тогда я уже начала больше вдумываться в эти истории, которые мне рассказывали в детстве. И для меня это стал больше как какой-то трагичный день, когда я задумывалась какие последствия моя семья испытывает из-за этого и что это тянется на многие и многие поколения. В последнее время мы редко празднуем вместе и это ... какую-то трагическую пустоту вызывает. Я даже не могу телевизор смотреть. Хожу к памятнику 1200 и не могу сказать, что как-то это весело. Скорее, наоборот» (ФГ 1); «У меня когда-то было чувство праздника, но со временем оно изменилось» (ФГ 4); «Я пытаюсь просто вспомнить о том, что это за День, сколько людей погибло и какой ужас и ад они пережили» (ФГ 4).

В качестве дополнения респонденты всех поколений сообщили, что прививают детям ценность празднования Дня Победы: «Мы обязательно ходим на Бессмертный полк. Обязательно. У нас есть два портрета наших дедушек. ... В прошлом году я не смогла пойти — у меня маленький ребёнок. И пошёл сынишка мой, ему 12 лет было. ... И он пошёл на 9 мая, на Бессмертный полк. Он пришёл со слезами — до такой степени он расчувствовался» (ФГ 7); «Для нас, для нашей семьи это даже не то, что праздник — это память ...Я стараюсь привить эту память ребёнку, потому что придерживаюсь такой мысли, такой концепции, чтобы война не повторилась. Люди как можно дольше должны помнить о ней, о последствиях и вообще о жизни в войну» (ФГ 4); «...Мы вспоминаем всегда солдат, которые погибли в Великую Отечественную войну. Поэтому и детей растим точно также, в патриотическом стиле» (ФГ 7).

Можно сказать, что эмоциональная память о войне жива. Ощущение радости, гордости и торжественности этого Дня, сочетается с чувством невосполнимой утраты, боли и глубокой печали. И это относится ко всем поколениям. Другое дело, что у старших поколений это связано с воспоминаниями о своих родителях или ближайших родственниках: «Я, например, в день Победы вспоминаю всегда своего деда» (ФГ 2); «...вспоминаю поколение наших родителей. Они всегда, если спрашивали, какой самый главный праздник для тебя в жизни, отвечали — День Победы» (ФГ 2). Для представителей поколения 55+ память о войне — это, прежде всего, память о членах своей семьи. Это память о тех, кто выжил или о тех, кто не вернулся. Представители молодых поколений также упоминают о переживших или не переживших войну родственниках, но многие знают о них лишь по рассказам. Возможно, это является одной из причин того, что для молодых поколений характерен более широкий взгляд на войну. Зачастую именно они стремятся к более глубокому осмыслению трагедии войны — не только на уровне семьи, но и на уровне страны и даже на уровне самого явления.

Большой интерес респондентов во всех фокус-группах вызвал вопрос об отношении к личности Сталина. Часть респондентов оценивают личность вождя положительно и подчеркивают его роль в ключевых исторических событиях — победа в Великой Отечественной войне, восстановление народного хозяйства, сплочение населения СССР: «Я считаю, что Сталин, насколько это было возможно, сделал много хорошего для страны... Мне кажется заслуга Сталина в том, как страна восстанавливалась после войны. ...Восстановились здания, вся вот эта система транспорта, система сообщений, система социальных служб, здравоохранение, образование. ...Поэтому я отношусь, в принципе, положительно, закрывая глаза на некоторые вещи» (ФГ 1); «Как по мне, так этого требовала история, какая-то закономерность. ...Потому что, действительно, население его слушалось, и верхушка властная тоже ему содействовала. Такая была ситуация в стране. И очень хорошо, что последствия были не только отрицательные, но и положительные» (ФГ 1); «Сталин — это такая достаточно великая личность ... Он весь Советский Союз держал в таком сплочении, что люди росли именно в таком патриотическом стиле. И все были едины. И когда началась Великая Отечественная война, никто и не подумал, чтобы не пойти на защиту» (ФГ 7); «... Он своей сильной рукой и хладнокровием смог привести к таким действиям, которые привели к победе» (ФГ 5).

Наибольшее одобрение деятельность Сталина вызывала у представителей двух старших поколений (40–55 и 55+ лет): «Сейчас вот этих качеств, которые были у него, в нашем обществе не хватает. Никто не может навести у нас порядок» (ФГ 7); «Люди шли, действительно, в бой с этим именем. Это не просто так. А провозжали как, когда умер? Даже в годы репрессий... народ верил в Сталина» (ФГ 2); «А я так считаю — он большой вклад внес. Я больше положительно отношусь» (ФГ 8); «Когда начались большие беспорядки в стране, мой папа говорил: «Сталина на вас нет!»» (ФГ 8); «Говорят так: вернуть бы Сталина и порядок был бы в стране. Очень многие говорят, несмотря на жестокие годы репрессий» (ФГ 2). Некоторые участники из старших фокус-групп делились воспоминаниями о реакции окружавших их людей на смерть Сталина: «Я помню была маленькой, мне было пять лет, когда он умер... Я тогда не знала, кто такой Сталин, но помню, как все рыдали, когда Сталин умер» (ФГ 8).

Другие респонденты негативно оценивают и сам культ личности, и самого Сталина: «Я не считаю правильным и культ Сталина, и культ Ленина и, в принципе, культ какого-то политика» (ФГ 1); «Странно говорить о том, что Сталин выиграл войну. Потому что человек как бы не может выиграть, там было много военачальников, которые были профессионалами в этом деле и учились для того, чтобы вести войны, командовать. Как правило, за руководителем только условно последнее слово» (ФГ 1). Многие респонденты, вне зависимости от возраста, критиковали Сталина за репрессии, жестокость: «Мне он не нравится за его репрессивные меры» (ФГ 5); «Для меня, всё равно, он больше диктатор ... его режим всё таки больше угнетал людей, нанёс больше ущерба» (ФГ 6); «Вот мне непонятна его жестокость, очень сильная жестокость» (ФГ 7); «... Да были репрессии, ...и были расстрелы. Много чего было и пострадали люди» (ФГ 7).

Встречаются и нейтральные оценки, которые демонстрируют непонимание самого явления культа личности как такового: «Я к нему отношусь как бы нейтрально. ... Просто для меня это было очень странно, когда мне рассказала бабушка, что

когда он умер — она плакала. То есть это насколько был человек просто... могущественный, когда из-за него плачет бабушка. Ну, тогда она была девушкой. Просто он настолько был сильной личностью, что несмотря на все что было... плохое, его все очень сильно любили. Для меня это просто не понятно» (ФГ 1); «Вообще, явление культа личности уникально. Его сложно до конца понять. Наверное, Сталина можно сравнивать со звездой. В плане отношения людей. Такое воздействие и влияние. Это насколько нужно быть человеком умным, стратегически продуманным, чтоб каждый свой шаг... ну как-то структурировать, чтобы иметь такое воздействие на массы людей. Для меня это страшный человек» (ФГ 1). Существуют некоторые возрастные особенности в восприятии личности Сталина. Старшее поколение очень эмоционально отстаивает свою позицию, опираясь на детские воспоминания о его смерти и ощущая некую сопричастность к этой эпохе. Молодежь же относится к Сталину всего лишь как к одной из значимых исторических личностей в истории страны, а потому их мнения носят более взвешенный характер.

Оценки советского периода в разрезе поколений получились неоднородными. Многие представители младшего поколения искренне недоумевали, почему их старшие родственники и знакомые ностальгируют по образу жизни советских людей: «Я просто не могу даже на мгновение представить, чтобы я так жила. ... Моя мама мне рассказывает, что они покупали какие-то бананы зеленые и в шкафу ждали пока они созреют... И я вот просто сижу и не понимаю... как можно бананы ждать месяц, если сейчас вот «Яндекс Еда» ко мне через пятнадцать минут придет и не нужно ждать, что что-то там созревает ... Это вообще другой мир для меня, ну просто, я вот не могу представить его» (ФГ 1); «В плане атрибутики — это, кстати, прикольно ...весь вот этот набор вещей, который напоминает об СССР. Да, это интересно посмотреть. Это как-то атмосферно, уютно, какая-то ностальгия просыпается. Ну, не у меня — у родственников. ...Мое мнение — СССР это что-то действительно странное. Это дефицит, это культы, это кризисы, недостатки чего-то, но люди, зато ходят какие-то счастливые. ... Это явление какое-то просто непонятное. Ну что может быть там хорошего?» (ФГ 1); «Я не знаю, как к этому относиться. Не знаю. Реально, это был какой-то странный, непонятный для меня мир» (ФГ 1); «Я бы его (советский период — авт.) так охарактеризовал: необязательно было устраивать революцию. Можно посмотреть на положительный опыт европейских держав, которые решили проблемы с помощью реформ» (ФГ 5).

Многие молодые люди вообще затруднились дать оценку советскому периоду, обосновывая это тем, что они не жили в СССР и могут судить об этом периоде только по воспоминаниям родственников: «К Советскому Союзу я никак не отношусь, потому что я в нем не жила» (ФГ 5); «...Так как я там ...не жила, то могу судить только по рассказам тех, кто там жил» (ФГ 5); «Нужно, наверное, там жить, чтобы это понять, чтобы это прочувствовать» (ФГ 1).

По мере увеличения возраста респондентов, возрастало и количество положительных оценок советского времени. Эмоциональнее становились и дискуссии: «Великая страна была. Один народ, многонациональный. ...Всё-таки люди как-то жили лучше» (ФГ 6); «Я думаю, что мы больше потеряли, чем обрели» (ФГ 6); «Это прекрасный период был, когда люди любили свою страну» (ФГ 7); «Я, например, оцениваю только положительно. Это период расцвета» (ФГ 2). Такая же возрастная

тенденция прослеживалась и в оценках распада СССР — самые молодые участники опроса положительно или нейтрально воспринимают факт распада Советского Союза: «*Нужны были перемены стране*»; «*...Что произошло, то произошло. Я это принимаю и к Советскому Союзу отношусь таким образом*»; «*Все-таки жизнь не стоит на месте и к распаду Советского Союза я отношусь тоже положительно*»; «*Это перемены, а перемены нам нужны*» (ФГ 5).

Несмотря на разные оценки, представители всех возрастов сошлись во мнении, что в качестве достижений советского периода можно отметить отсутствие безработицы, стабильность цен, уверенность в будущем, социальные гарантии, качественное образование и медицину: «*Нравятся социальные гарантии. То, что люди могли получить жилье. Высшее образование было более стоящее*» (ФГ 5); «*Это было очень счастливое, спокойное время. Каждый знал, что он получит квартиру, что у него будет работа*» (ФГ 7); «*...Когда мы закончили обучение, у нас было будущее. Тогда шло распределение. Всех посылали работать, и мы знали, что когда приедем, нас уже будут ждать*» (ФГ 2). Своеобразный «итог» дискуссии подвела двадцатилетняя девушка, отметив настроение людей того времени: «*А я думаю, что это был прекрасный период ... Ну вот даже какие-то элементы культовые и дефицит говорят нам о том, что люди умели радоваться простым вещам. А сейчас этого нет*» (ФГ 1).

Таким образом, для разных поколений характерны как общие, так и особенные представления об историческом прошлом России. Например, при обозначении ключевых событий и выделении наиболее значимых личностей, представители разных поколений, зачастую, упоминали одни и те же эпохи и имена. Однако при обсуждении вопросов, связанных с отдельными периодами нашей истории, были отмечены некоторые расхождения во мнениях среди представителей разных поколений. Так, подчеркивая значение Победы в Великой Отечественной войне, оценивая культ личности Сталина, высказывая свое отношение к существованию и распаду СССР, представители старших возрастов (40–54 лет и 55 лет и старше) проявляли больше эмоций, приводили больше аргументов из своей жизни и жизни знакомых людей, а также связывали события из своей биографии с определенными историческими этапами. Представители младших поколений (18–25 лет и 26–39 лет) выражали меньше эмоций, в своих оценках зачастую опирались на сведения, о которых узнали из рассказов старших родственников, и давали оценки историческим событиям не с позиции своего жизненного опыта или истории своей семьи, а в соответствии с известными фактами, относящимися к определенному периоду.

Восприятие советского и постсоветского периодов истории Калининградской области

Калининградская область является специфичным регионом Российской Федерации. По окончании войны с нацистской Германией, в результате международных договоренностей, часть территории Восточной Пруссии была передана СССР. В 1946 г. здесь была образована Калининградская область. Это были ключевые моменты, положившие начало совершенно новому периоду в истории региона. Именно поэтому участникам фокус-групп были предложены вопросы, связанные с советским и постсоветским прошлым Калининградской области.

Следует отметить, что уровень знаний респондентов всех поколений по региональной истории оказался ниже, чем по истории страны. Если говорить о молодых поколениях, то это может быть связано с тем, что в образовательных учреждениях больше внимания уделяется общероссийской, а не региональной истории: *«Нам в школе немного рассказывали, но очень поверхностно»* (ФГ 1); *«Я помню очень поверхностно»* (ФГ 1); *«Потому что обычно это скучновато рассказывается и преподносится»* (ФГ 4). Невысокий уровень знаний местной истории старшими поколениями объясняется тем, что многие респонденты родились и выросли не на территории Калининградской области: *«Приехала сюда в начале 1978 года. ... Я очень мало знаю в этой области, очень мало. Я только начинаю переворачивать эти страницы»* (ФГ 2); *«Я приехала из Республики Узбекистан в 1994 году»* (ФГ 2); *«Я проживала в Ярославской области»* (ФГ 2); *«Свердловская область, город Обнинск»* (ФГ 8); *«я из Литвы»* (ФГ 8); *«Город Бишкек»* (ФГ 8).

Тем не менее, когда речь заходит о советской истории региона, респонденты прежде всего обращаются к событиям Великой Отечественной войны. В частности, упоминаются события Восточно-Прусской операции и штурма Кёнигсберга, боевые действия за форты и диверсионно-разведывательные действия группы «Джек». Называются и имена известных военачальников, которые воевали на территории региона: А. М. Василевского, И. Д. Черняховского, К. Н. Галицкого, С. И. Гусева. Память о войне у многих ассоциируется с Мемориальным комплексом 1200 гвардейцам в г. Калининграде.

Советский период истории области респонденты, как правило, критиковали за невнимание к довоенному немецкому культурному наследию: *«У меня нейтральная оценка, но может быть чуть-чуть с отрицательным налётом..., потому что для меня как-то таким флажком является история с руинами замка, которые могли восстановить или могли сохранить. Но лидеры советской власти решили что его нужно уничтожить»* (ФГ 4); *«Скорее негативно, так как была германофобия после победы во Второй мировой войне»* (ФГ 5). При этом, респонденты разных поколений озвучили и основные причины борьбы с немецким прошлым края: *«Люди просто пытались избавиться от того, что, во-первых, чуждо, а во-вторых, они против этого сражались»* (ФГ 7); *«Можно проследить, как люди пытались восстановить. Но, в связи с разными ситуациями, например, из-за идеологии или что это трофейная земля. Поэтому было ощущение временности пребывания ... люди не знали останутся здесь или нет»* (ФГ 4). В то же время участники фокус-групп отметили и вклад советских людей в восстановление региона: *«Я думаю, что нужно отдать должное тем людям, которые это восстанавливали. Представляете насколько они духовном были...ну, я просто даже не могу это словами описать»* (ФГ 7). *«Многое, что здесь построено — построено руками многих тысяч людей, которые ходили на субботники бесконечные, за трудовни. И это большой вклад в восстановление города, который был разрушен на 70%. Это достойно уважения»* (ФГ 4).

Практически все участники дискуссий считали правильным переименование г. Кёнигсберга в г. Калининград в 1946 г.: *«Чисто с идеологической точки зрения это было необходимо. Людям было попросту тяжело проживать на территории с немецким названием»* (ФГ 5); *«Это логично. Странно, если бы остался Кёнигсбергом»* (ФГ 6); *«Мне кажется абсолютно понятно почему город переименовали, это совершенно логично»* (ФГ 4); *«Мы живём в России, это уже наша территория»*

(ФГ 8). В то же время, не все респонденты были согласны с тем, что город и область были названы в честь М. И. Калинина. Многие выражали мнение, что нейтральное географическое название было бы лучше: *«Было же несколько вариантов переименования. Там самый оптимальный был бы скорее Балтийск. ... Потому что это нейтральное географическое название, оно было бы более логичным в этом смысле»* (ФГ 4); *«Мне бы лично хотелось чтобы это был Балтийск ... очень логично и красиво звучит»* (ФГ 4).

Одним из архитектурных сооружений г. Калининграда, существование которого вызывает острые споры жителей региона, является Дом Советов. Строительство этого здания началось в 1970 г., но так и не было завершено. В постсоветский период мнения горожан относительно судьбы Дома Советов разделились. Одни считают, что данный объект архитектуры необходимо сохранить, другие выступают за его снос (Снести 2020; Власти 2020). Среди участников фокус-групп разных поколений также зафиксированы диаметрально противоположные точки зрения. Так, часть респондентов выступают за сохранение здания, воспринимая Дом Советов как своего рода памятник советской истории: *«В настоящее время Дом Советов стал своеобразным символом Калининграда. Также это памятник какой-то ретро-футуристической советской архитектуре. То есть это очень интересное здание. Само собой, оно в аварийном состоянии. Но так просто его снести, убрать его — это как-то неправильно. Потому что все-таки я очень часто видел, как люди гуляют, фотографируются рядом с этим зданием. Сходить, посмотреть на него — это многого стоит»* (ФГ 5); *«Дом Советов уже очень долго, десятилетиями там стоит ... сложно представлять что-то другое на его месте ... Однозначно — пусть оставляют Дом Советов»* (ФГ 6); *«Знаете, я живу в том районе. Как раз у меня из окна с одной стороны — собор, а с другой — Дом Советов. ... Я к нему долго привыкала..., но мне бы тоже было жалко, если бы его снесли и воплотили в жизни тот проект, который сейчас якобы утверждён»* (ФГ 3); *«Почему всем мешает Дом Советов?»* (ФГ 1). Другие являются сторонниками сноса. Интересно отметить, что больше всего приверженцев сноса Дома Советов зафиксировано среди жители области старше 55 лет: *«Я за снос, потому что это просто яркий пример бесхозяйственности. Я не могу к этому спокойно относиться как гражданин, как горожанин... Построить такой объект огромный ... и ни дня не использовать. Это вообще что такое?.. Пример бесхозяйственности. Почему он там? Я против»* (ФГ 2); *«Я же говорю: как бельмо на глазу. Стоит здание и все. Никакой истории, ничего. Недострой какой-то»* (ФГ 8). Таким образом, мнения участников фокус-групп олицетворяют в миниатюре две противоположные точки зрения калининградской общественности об одном из значимых архитектурных объектов региона. При этом представители старшего поколения (55+), которые в большинстве случаев положительно оценивают советский период и являются сторонниками консервативных идей, выступают против сохранения Дома Советов, ассоциируя его с крахом социалистического строя.

Будущее региона респонденты связывают с развитием разных сфер: *«Я считаю, что нужно развивать туризм. ...Раз люди пока что сюда едут, надо на этом зарабатывать»* (ФГ 4); *«Нужно восстанавливать то, что у нас было потеряно: сельское хозяйство и рыбную промышленность»* (ФГ 3); *«... Образовательную сферу нужно развивать. Чтобы к нам ехали учиться. Чтобы в том числе иметь возможность*

здесь контактировать, например, со студентами из иностранных каких-то учебных заведений. Калининградская область должна использовать своё уникальное место» (ФГ 4). Самые молодые респонденты высказались за необходимость развивать не только Калининград, но и другие населенные пункты региона: «Я за то, чтобы развивать города в области, а не только Калининград. Потому что Калининград — хороший город, с инфраструктурой, работой. А именно в маленьких городах — там все просто чахнет» (ФГ 5); «Очень печально смотреть. ... Допустим, я вынужден уехать из своего родного города Советска, потому что мне там негде учиться и негде работать» (ФГ 5).

Таким образом, оценивая советский период истории Калининградской области, различные поколения выражали схожие мнения. Представители всех возрастов критиковали советскую власть за разрушение довоенного немецкого культурного наследия, но положительно относились к переименованию г. Кёнигсберга в г. Калининград и высоко оценили результаты деятельности первых переселенцев. При анализе постсоветского периода респонденты старших поколений высказывали больше критических замечаний и проводили сравнения с советской эпохой. Молодые респонденты рассматривали постсоветское время как один из этапов истории региона, который тесно связан с современностью. Будущее Калининградской области респонденты старших возрастов связывали, в основном, с развитием туризма, сельского хозяйства, рыбной промышленности. Молодежь обращала внимание на проблемные моменты в сфере образования, здравоохранения, трудоустройства по специальности. Кроме того, молодых людей в большей степени волновали вопросы развития муниципальных образований, а не только областного центра.

Отношение к немецкому культурно-историческому наследию

Визуальным воплощением немецкого периода истории Калининградской области являются объекты архитектуры различного назначения — жилые дома, административные сооружения, кирхи, бастионы, форты и т. д. Беседы в фокус-группах выявили не только положительное отношение и интерес респондентов к немецкому культурному наследию, но также продемонстрировали стремление людей сохранить или восстановить его. Причем такой точки зрения придерживаются участники всех возрастных категорий: «Почему бы и нет? ...если посмотреть на то, какое количество денег это приносит со стороны туризма» (ФГ 5); «Да, за сохранение, но не до такого фанатического, когда каждый камень нужно сохранять. По возможности...» (ФГ 6); «Я считаю мы должны это сохранять. Хоть не наше, но нужно сохранять. ... Просто поддерживать» (ФГ 1).

Одним из самых знаменитых архитектурных сооружений города немецкого периода являлся Королевский замок. Это был интересный комплекс, который на протяжении веков многократно перестраивался, а потому объединял в себе различные архитектурные стили. Замок серьезно пострадал во время ковровой бомбардировки британской авиации в августе 1944 г. и при штурме Кенигсберга в апреле 1945 г. (Фостова 2015; Кулаков 2008). Его руины были снесены в 1968 г., несмотря на многочисленные протесты общественности (Клемешева 2000). В последние годы активно обсуждается вопрос о возможности восстановления замка (В Калининграде 2015; Понравившийся 2020). Этой же теме была посвящена и часть дискуссии

в фокус-группах. Мнения респондентов разделились. Одни считают, что строение необходимо восстановить: *«Я отношусь очень положительно ... Все замки средневековья — это такая популярная и даже заезженная тема, но она точно привлекала бы больше людей в область»* (ФГ 5); *«Почему бы и нет? Одно дело в руинах быть, другое — восторгаться красотой и окунуться в эту атмосферу»* (ФГ 7). Другие выступили против восстановления: *«Не тратьте деньги»* (ФГ 1); *«Там кафе или что-то такое хотели сделать. Или тематический музейный магазин ... Но это уже будет не Королевский замок, а что-то заново построенное»* (ФГ 4); *«Вновь строить — нет. Это будет новодел»* (ФГ 2). По большому счету, поколенческие различия по поводу реконструкции Королевского замка являются довольно слабыми. В данном случае ключевую роль играет эстетико-прагматическое, а не эмоциональное восприятие исторического прошлого.

На современном этапе большое внимание уделяется не только благоустройству городов, но и их декорированию, а также стилизации зданий и улиц под определенную эпоху. В Калининграде и области поддерживается такой подход, хотя отношение жителей региона нельзя назвать однозначным. Так, большинство респондентов положительно относятся к стилизации советской и современной застройки под довоенную немецкую архитектуру: *«Резко положительно. ... Лицеизреть сочетание унылых панельных зданий и какой-то исторической застройки — это пусть и своеобразно, но интересно. Возможно, это даже как-то извращенно-красиво»* (ФГ 5); *«Положительно. А что — нормальная тема. ... что-то в этом есть. ... Тем более такое убожество, какое там стояло. ... Объективно — теперь здорово»* (ФГ 6); *«Для того, чтобы сохранить некую такую гармонию в архитектурном стиле — вполне нормально и хорошо»* (ФГ 2). Как ни странно, но среди представителей младших поколений встречались противоположные мнения: *«Мне, кажется, мы не умеем реставрировать правильно. Получается всегда какая-то каша»* (ФГ 1); *«...я отношусь к подобным реинкарнациям негативно ... потому что мне кажется, что это сделано очень плохо. А с пластиковыми окнами — очень дисгармонично. И ты ощущаешь себя не в реальном городе, а в какой-то киношной декорации»* (ФГ 4).

На вопрос «Какому из периодов истории области (немецкому, советскому, современному) нужно уделять большее внимание в образовательных учреждениях?» значительное количество респондентов отмечали, что все периоды истории региона необходимо изучать в равной степени: *«Я считаю, что каждый этап важен, его нужно изучать»* (ФГ 5); *«На мой взгляд, не должно быть прям акцента. ... это история, ее просто нужно изложить, как она была»* (ФГ 4); *«... Это как спрашивать у ребенка: ты любишь маму или папу? ... Я всех люблю, это все мое»* (ФГ 3). При этом респонденты посетовали на недостаточное внимание к истории региона в образовательных учреждениях: *«Я согласна насчет того, что «История западного региона» в нашей школе преподавалась, грубо говоря, от балды»* (ФГ 5); *«... Историю не преподают или очень мало часов преподают. ... Ну, были экскурсии для школьников привозили, показывали, рассказывали»* (ФГ 3). Как видно, респонденты продемонстрировали заинтересованность в изучении как истории региона в целом, так и ее отдельных аспектов. Причем, самые молодые участники фокус-групп отметили рост интереса к историческому прошлому с возрастом: *«У нас в школе был предмет «История родного края». ... Я ничего не читала. Потом нас возили на всякие экскурсии... и я спала в этот момент. Потому что на тот момент это*

было мне настолько не актуально. А вот сейчас — наоборот. Я читаю Википедию, какую-то информацию и не замечаю как время проходит. Видимо, вот мой мозг в детстве был не готов к этому» (ФГ 1); «..В целом школьная программа предусматривает курс «История Западной России». Но, исходя исключительно из своего опыта... мне было все равно как-то очень тяжело привязать это к месту, где я проживаю. То есть для меня это почему-то было как-то очень абстрактно, прям как-то очень в общем. Банальный пример — в университете на первом курсе я готовил доклад про свой город (Советск). И я просто удивился тому, насколько много достопримечательностей, архитектуры опять же, памятных каких-то знаков. И про это, если и было упомянуто, то как-то очень вскользь и у меня в памяти вообще не отложилось» (ФГ 5).

Таким образом, культурно-историческое наследие немецкого периода жители Калининградской области воспринимают позитивно и осознают его ценность. Представители всех поколений отмечают значимость всех сохранившихся памятников и выступают за их сохранение. Если выделить особенности поколенческого отношения, то люди старших поколений проводят четкую грань между немецким периодом, советским временем и постсоветскими годами. Исключения составляют лишь те эпизоды немецкого прошлого региона, которые связаны с историей России (визиты Петра Первого, Семилетняя война, Тильзитский мир, Гумбиненское сражение и т. д.). Молодые люди, в большинстве случаев, воспринимают немецкий период как определенный этап в истории региона и с возрастом ощущают некую сопричастность и к этой эпохе.

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить общее и особенное в восприятии исторического прошлого представителями разных поколений, проживающих на территории Калининградской области. Единым для респондентов всех возрастов является интерес к широкоизвестным событиям и масштабным историческим личностям. Причем, независимо от уровня знаний по истории. Различия между поколениями прослеживаются при обсуждении значимости тех или иных исторических событий, в ходе анализа респондентами роли выдающихся деятелей истории, а также при выражении своего отношения к конкретным историческим явлениям. При этом представители старших поколений (40–54 года и 55+ лет) отстаивали свою позицию более эмоционально, зачастую опираясь на собственный жизненный опыт. Представители младших поколений (18–25 лет и 26–39 лет) обращали внимание на глубинные процессы, старались выявить причины исторических событий, но при этом придерживались общеизвестных фактов и при оценке проявляли меньше эмоций. В целом, представители разных поколений продемонстрировали целый спектр мнений по важнейшим вопросам отечественной и региональной истории. Однако поколенческие особенности выражались в акцентах, которые делали респонденты разных возрастов, исходя из тех общественно-политических реалий, в которых они воспитывались.

Источники и материалы

- Великая 2021 — Великая Отечественная война в семейной памяти. ВЦИОМ. 2021. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikaja-otechestvennaja-voina-v-semeinoi-pamjati> (дата обращения: 22.11.21).
- Власти 2020 — Власти хотят демонтировать знаменитый Дом советов в Калининграде. Это один из самых узнаваемых символов советского модернизма. Здание строили несколько десятилетий — и ему не хватило года, чтобы открыться. Медуза. 2020. <https://meduza.io/feature/2020/12/05/vlasti-hotyat-demontirovat-znamenityy-dom-sovetov-v-kaliningrade-eto-odin-iz-samyh-uznavаемых-simvolov-sovetskogo-modernizma> (дата обращения: 21.12.21).
- В Калининграде 2015 — В Калининграде спорят о восстановлении прусского замка. Русская служба Би-би-си. 2015. https://www.bbc.com/russian/russia/2015/09/150929_kaliningrad_castle (дата обращения: 23.11.21).
- ГАКО — Государственный архив Калининградской области. Ф.Р-1191 (Коллекция документов первых жителей Калининградской области с 1945 по 1952 годы).
- Годовщина 2020 — Годовщина революции. Октябрьская революция в жизни страны и российских семей. ФОМ. 2020. <https://fom.ru/Proshloe/14489> (дата обращения: 22.11.21).
- Историческая 2020 — Историческая память. Левада-Центр. 2020. <https://www.levada.ru/2020/06/22/istoricheskaya-pamyat/> (дата обращения: 22.11.21).
- Понравившийся 2020 — Понравившийся Путину: как пытались восстановить Королевский замок в Калининграде. Клопс. 2020. <https://klops.ru/articles/2020-11-12/223308-ponravivshiysya-putinu-kak-putalis-vosstanovit-korolevskiy-zamok-v-kaliningrade> (дата обращения: 23.11.21).
- Снести 2020 — Снести нельзя оставить. Мнения о судьбе Дома Советов в Калининград. РБК. 2020. <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/15/11/2020/5fb0ff0c9a7947eb9ba82e65> (дата обращения: 21.12.21).
- ФГ 1 — фокус-группа 1 (18–25 лет, жители г. Калининграда, 22.09.2021, стенограмма).
- ФГ 2 — фокус-группа 2 (55 лет и старше, жители г. Калининграда, 23.09.2021, стенограмма).
- ФГ 3 — фокус-группа 3 (40–54 лет, жители г. Калининграда, 25.09.2021, стенограмма).
- ФГ 4 — фокус-группа 4 (26–39 лет, жители г. Калининграда, 25.09.2021, стенограмма).
- ФГ 5 — фокус-группа 5 (18–25 лет, жители г. Советска, г. Гусева, г. Черняховска, 25.09.2021, стенограмма).
- ФГ 6 — фокус-группа 6 (26–39 лет, жители г. Советска, 28.09.2021, стенограмма).
- ФГ 7 — фокус-группа 7 (40–54 лет, жители г. Черняховска, 30.09.2021, стенограмма).
- ФГ 8 — фокус-группа 8 (55 и более лет, жители г. Черняховска, 02.10.2021, стенограмма).

Научная литература

- Буганов А. В. Русские начала XXI в. Историческая память и этнокультурная идентичность // Историческая память и российская идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 52–69.
- Вершилов С. А. Историческая память о войне: особенности и проблемы сохранения // Военно-исторический журнал, 2021. № 5. С. 35–38.
- Гареев М. А., Кретицин Г. В. Познание Победы // Калининградские архивы: материалы и исследования / отв. ред. В. Н. Маслов. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2019. Вып. 16. С. 163–177.
- Горшков М. К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2016. 416 с.
- Дементьев И. О. Идентичность и коллективная память калининградцев в зеркале современных польских исследований // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки, 2019. № 2. С. 104–112.

- Дементьев И. О.* Эйдткунен как русское место памяти // Калининградские архивы: материалы и исследования / отв. ред. В. Н. Маслов. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2019. Вып. 16. С. 188–200.
- Долгов А. Ю., Мелешкина Е. Ю., Толыгина О. А.* От ностальгии к осмыслению настоящего: СССР в представлениях разных поколений // Политическая наука, 2021. № 1. С. 245–273.
- Ефременко Д. В., Миллер А. И.* (под ред.). Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. Санкт-Петербург: Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020. 632 с.
- Клемешева М. А.* О судьбе Королевского замка (Из документов облгосархива) // Калининградские архивы: материалы и исследования / Калининград: Янтарный сказ, 2000. Вып. 2. С. 179–191.
- Костяшов Ю. В.* (под ред.). Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. Калининград: Калининградская книга, 2018. 364 с.
- Костяшов Ю. В.* Советские воинские монументы в Калининграде и эволюция исторической памяти (середина XX–начало XXI в.) // Наследие веков, 2020. № 3 (23). С. 62–72.
- Кравченко А. В.* «А потом забылось»: предпосылки забвения локальных событий гражданской войны в с. Красново // Шаги/Steps, 2021. Т. 7. № 1. С. 99–116.
- Кретинин Г. В.* Об истоках формирования исторической памяти жителей Калининградской области (1945–1960) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки, 2015. № 12. С. 61–66.
- Кретинин Г. В.* Проблема формирования и сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в Калининградской области России // Путь к Великой Победе: история и современность / под ред. Е. М. Малышева. Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2020. С. 259–263.
- Кулаков В. И.* История замка Кёнигсберг. Калининград: Живем, 2008. 126 с.
- Мазалова Н. Е.* Выборжане: историческая память и идентичность // Историческая память и российская идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 397–407.
- Маслов В. Н.* Советская академическая наука и формирование исторической памяти при переименовании населенных пунктов Калининградской области // Историческая экспертиза, 2016. № 3. С. 100–107.
- Маслов В. Н.* Экскурсионная деятельность и формирование исторической памяти калининградцев в 1964–1975 годах // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки, 2017. № 4. С. 77–84.
- Подлесная М. А., Соловьёва Г. В., Ильина И. В.* Историческая память: школьники и студенты об истории России // Вестник Института социологии, 2021. Т. 12. № 2. С. 55–82.
- Полутин С. В., Булавин А. В., Зубов О. Е., Нагаева Т. В.* События прошлого в исторической памяти молодежи национальных регионов Приволжского федерального округа // Регионоведение, 2021. Т. 29. № 1 (114). С. 191–215.
- Радаев В. В.* Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2019. 224 с.
- Ретина Л. П.* Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем, 2016. № 54. С. 9–15.
- Савин И. С.* Историческая память и российская идентичность: особенности восприятия молодежью на Северном Кавказе // Историческая память и российская идентичность на Северном Кавказе / под ред. А. К. Аликберова. М: Индивидуальный предприниматель А. В. Воробьев, 2017. С. 37–70.

- Савоскул С. С. Историческое сознание и российская, русская и локальная идентичности // Историческая память и российская идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 342–363.
- Тетуев А. И. Историческая память о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Нальчик, 2021. 372 с.
- Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния. Новая и новейшая история, 2000. № 4. Доступ: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM> (дата обращения: 23.11.2021).
- Тощенко Ж. Т. Что происходит с исторической памятью о Великой Отечественной войне? // Социологические исследования, 2020. Т. 46. № 5. С. 18–22.
- Фадеев П. В. Историческая память россиян в социологических опросах: основания, реальность, проблемы // Вестник Института социологии, 2021. Т. 12. № 2. С. 36–54.
- Фостова С. А. Дискуссия о судьбе кёнигсбергского замка и его разрушении в 1950–1960-е годы (из фондов государственного архива Калининградской области) // Калининградские архивы: материалы и исследования / отв. ред. В. Н. Маслов. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2015. Вып. 12. С. 179–204.
- Шнирельман В. А. Социальная память: вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 12–34.

References

- Buganov, A.V. 2018. Russkie nachala XXI v. Istoricheskaja pamiat' i etnokul'turnaia identichnost' [Russians at the beginning of the XXI century]. In *Istoricheskaja pamiat' i rossiiskaia identichnost'* [Historical Memory and Russian Identity], edited by V. A. Tishkov and E. A. Pivneva, 52–69. Moscow: RAN.
- Dement'ev, I.O. 2019. Eidtkunen kak russkoe mesto pamiat' [Eidtkunen as a Russian place of memory]. In *Kaliningradskie arkhivy: materialy i issledovaniia* [Kaliningrad Archives: Materials and Research], edited by V. N. Maslov 16: 188–200. Kaliningrad: Baltijskij Federal'nij Universitet imeni I. Kanta.
- Dement'ev, I.O. 2019. Identichnost' i kollektivnaia pamiat' kaliningradtsev v zerkale sovremennykh pol'skikh issledovanii [The identity and collective memory of kaliningraders in recent polish studies]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Serii: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* 2: 104–112.
- Dolgov, A. Yu., E. Iu. Meleshkina, and O. A. Tolpygina. 2021. Ot nostal'gii k osmysleniiu nastoiashchego: SSSR v predstavleniakh raznykh pokolenii [From nostalgia to understanding the present: perception of the ussr by different generations]. *Politicheskaja nauka* 1: 245–273.
- Efremenko, D.V., and A. I. Miller, eds. 2020. *Politika pamiat' v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The politics of memory in contemporary russia and in countries of eastern europe]. Sankt-Peterburg: Avtonomnaia nekommercheskaia obrazovatel'naia organizatsiia vysshego obrazovaniia Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge.
- Fadeev, P.V. 2021. Istoricheskaja pamiat' rossiian v sotsiologicheskikh oprosakh: osnovaniia, real'nost', problem [The historical memory of russians in sociological surveys: foundations, reality, problems]. *Vestnik Instituta sotsiologii* 12 (2): 36–54.
- Fostova, S.A. 2015. Diskussiia o sud'be kenigsbergskego zamka i ego razrushenii v 1950–1960-e gody (iz fondov gosudarstvennogo arkhiva Kaliningradskoi oblasti) [Discussion about the fate of the Konigsberg castle and its destruction in the 1950s–1960s (from the funds of the state archive of the Kaliningrad region)]. In [Kaliningradskie arkhivy: materialy i issledovaniia Kaliningrad Archives: Materials and Research], edited by V. N. Maslov 12, 179–204. Kaliningrad: Baltijskij Federal'nij Universitet imeni I. Kanta.

- Gareev, M.A., and G. V. Kretinin. 2019. Poznanie Pobedy [The knowledge of victory]. In *Kaliningradskie arkhivy: materialy i issledovaniia* [Kaliningradskie arkhivy: materialy i issledovaniia Kaliningrad Archives: Materials and Research], edited by V. N. Maslov 16, 163–177. Kaliningrad: BFU im. I. Kanta.
- Gorshkov, M.K. 2016. *Rossiiskoe obshchestvo kak ono est' (opyt sotsiologicheskoi diagnostiki)* [Russian society as it is (experience of sociological diagnosis)]. Moscow: Novyi khronograf.
- Klemesheva, M.A. 2000. O sud'be Korolevskogo zamka (Iz dokumentov oblgosarkhiva) [On the fate of the Royal Castle (From the documents of the regional state archive)]. In *Kaliningradskie arkhivy: materialy i issledovaniia* [Kaliningradskie arkhivy: materialy i issledovaniia Kaliningrad Archives: Materials and Research], edited by V. N. Maslov 2, 179–191. Kaliningrad: Baltijskij Federal'nij Universitet imeni I. Kanta.
- Kostiashov, Yu.V., ed. 2018. *Vostochnaia Prussia glazami sovetskikh pereselentsev. Pervye gody Kaliningradskoi oblasti v vospominaniakh i dokumentakh* [East Prussia through the eyes of Soviet immigrants. The first years of the Kaliningrad region in memoirs and documents]. Kaliningrad: Kaliningradskaja kniga.
- Kostiashov, Yu.V. 2021. Sovetskie voinskie monumenty v Kaliningrade i evoliutsiia istoricheskoi pamiaty (seredina XX-nachalo XXI v.) [Soviet military monuments in Kaliningrad and the evolution of historical memory (mid XX-early XXI centuries)]. *Nasledie vekov* 23 (3): 62–72.
- Kravchenko, A.V. 2021. «A potom zabylosia»: predposylki zabvenii lokal'nykh sobytii grazhdanskoi voiny v s. Krasnovo [«And then it was forgotten»: the prerequisites for oblivion of civil war local events in krasnovo village]. *Shagi/Steps* 7 (1): 99–116.
- Kretinin, G.V. 2015. Ob istokakh formirovaniia istoricheskoi pamiaty zhiteli Kaliningradskoi oblasti (1945–1960) [On the formation of historical memory in the kaliningrad region (1945–1960)]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* 12: 61–66.
- Kretinin, G.V. 2020. Problema formirovaniia i sokhraneniia istoricheskoi pamiaty o Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg. v Kaliningradskoi oblasti Rossii [The problem of formation and retention of historical memory of the Great Patriotic War of 1941–1945 in the kaliningrad region of russia]. In *Put' k Velikoi Pobede: istoriia i sovremennost'*, edited by E. M. Malysheva, 259–263. Maikop: Adygeiskii gosudarstvennyi universitet.
- Kulakov, V.I. 2008. *Istoriia zamka Kenigsberg* [History of Königsberg castle]. Kaliningrad: Zhivem.
- Maslov, V.N. 2017. Ekskursionnaia deiatel'nost' i formirovanie istoricheskoi pamiaty kaliningradtsev v 1964–1975 godakh [Tourist excursions and the formation of historical memory of kaliningraders in 1964–1975]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* 4: 77–84.
- Maslov, V.N. 2016. Sovetskaia akademicheskaja nauka i formirovanie istoricheskoi pamiaty pri pereimenovanii naseleennykh punktov Kaliningradskoi oblasti [Soviet academic science and the formation of historical memory — renaming of settlements in the Kaliningrad region]. *Istoricheskaja ekspertiza* 3: 100–107.
- Mazalova, N.E. 2018. Vyborzhane: istoricheskaja pamiat' i identichnost'. In *Istoricheskaja pamiat' i rossiiskaja identichnost'* [Vyborzhane: historical memory and identity], edited by V. A. Tishkov and E. A. Pivneva, 397–407. Moscow: RAN.
- Podlesnaia, M.A., G. V. Solov'eva, and I. V. Il'ina. 2021. Istoricheskaja pamiat': shkol'niki i studenty ob istorii Rossii [Historical memory: schoolchildren and students about the history of russia]. *Vestnik Instituta sotsiologii* 12 (2): 55–82.
- Polutin, S.V., A. V. Bulavin, O. E. Zubov, and T. V. Nagaeva. 2021. Sobytiia proshlogo v istoricheskoi pamiaty molodezhi natsional'nykh regionov Privolzhskogo federal'nogo okruga [Events of the past in the historical memory of the youth in the ethnic regions of the volga federal district]. *Regionologiya* 29 (1): 191–215.

- Radaev, V.V. 2019. *Millenialy. Kak meniaetsia rossiiskoe obshchestvo* [Millennials: How the Russian Society Changes]. Moscow: Vysshaia Shkola Ekonomiki.
- Repina, L.P. 2016. Istoricheskaia pamiat' i natsional'naia identichnost': podkhody i metody issledovaniia [Historical memory and national identity: approaches and research methods]. *Dialog so vremenem* 54: 9–15.
- Savin, I.S. 2017. Istoricheskaia pamiat' i rossiiskaia identichnost': osobennosti vospriiatiia molodezh'iu na Severnom Kavkaze [Historical memory and Russian identity: peculiarities of perception by young people in the North Caucasus]. In *Istoricheskaia pamiat' i rossiiskaia identichnost' na Severnom Kavkaze* [Historical Memory and Russian Identity in the North Caucasus], edited by A. K. Alikberova, 37–70. Moscow: Individual'nyi predprinimatel' A. V. Vorob'ev.
- Savoskul, S.S. 2018. Istoricheskoe soznanie i rossiiskaia, russkaia i lokal'naia identichnosti [Historical consciousness and Russian, Russian and local identities]. In *Istoricheskaia pamiat' i rossiiskaia identichnost'* [Historical Memory and Russian Identity], edited by V. A. Tishkova and E. A. Pivnevoi, 342–363. Moscow: RAN.
- Shnirel'man, V.A. 2018. Sotsial'naia pamiat': voprosy teorii [Social memory: questions of theory]. In *Istoricheskaia pamiat' i rossiiskaia identichnost'* [Historical Memory and Russian Identity], edited by V. A. Tishkova and E. A. Pivnevoi, 12–34. Moscow: RAN.
- Tetuev, A.I. 2021. *Istoricheskaia pamiat' o Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.* [Historical memory of the Great Patriotic War of 1941–1945 (On the example of Kabardino-Balkaria)]. Nal'chik.
- Toshchenko, Zh.T. 2020. Chto proiskhodit s istoricheskoi pamiat'iu o Velikoi Otechestvennoi voine? [What happens to the historical memory of the Great Patriotic War?]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 46 (5): 18–22.
- Toshchenko, Zh.T. 2000. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaia pamiat': analiz sovremennogo sostoiianiia [Historical consciousness and historical memory: analysis of the current state]. *Novaia i noveishaia istoriia* 4. <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM>
- Vershilov, S.A. 2021. Istoricheskaia pamiat' o voine: osobennosti i problemy sokhraneniia [Historical memory of the war: features and problems of conservation]. *Voенно-istoricheskii zhurnal* 5: 35–38.